

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.19>

Пугачева Наталья Петровна

Методологические и онтологические основания эвристики страха в этике Ганса Йонаса

В статье рассматривается принцип эвристики страха, предложенный современным мыслителем Гансом Йонасом более сорока лет назад в качестве не только методологии научного поиска, но и морального ориентира в обыденной нравственной практике человека: для того, чтобы сохранить образ и подобие в будущем, необходимо не потерять его в настоящем. В концепции ответственности Йонаса страх становится ценностно-образующим принципом и наделяется эвристической функцией, основанием ответственности, в отличие от традиционных этических систем, которые считали страх аффектом, мешающим разуму. В отличие от существующих работ, посвященных эвристике страха, позиция Йонаса рассматривается не только на основе положений общеизвестного труда "Принцип ответственности", но и с учетом фактов его биографии и неизвестных работ.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/4/19.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 4. С. 98-101. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Этика

Ethics

УДК 17.023.6

Дата поступления рукописи: 14.03.2020

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.4.19>

В статье рассматривается принцип эвристики страха, предложенный современным мыслителем Гансом Йонасом более сорока лет назад в качестве не только методологии научного поиска, но и морального ориентира в обыденной нравственной практике человека: для того, чтобы сохранить образ и подобие в будущем, необходимо не потерять его в настоящем. В концепции ответственности Йонаса страх становится ценностно-образующим принципом и наделяется эвристической функцией, основанием ответственности, в отличие от традиционных этических систем, которые считали страх аффектом, мешающим разуму. В отличие от существующих работ, посвященных эвристике страха, позиция Йонаса рассматривается не только на основе положений общеизвестного труда «Принцип ответственности», но и с учетом фактов его биографии и неизвестных работ.

Ключевые слова и фразы: Ганс Йонас; страх; эвристика страха; этика ответственности; сравнительная футурология; глобальные катастрофы; будущее; прогноз.

Пугачева Наталья Петровна, к. филос. н., доц.

Пензенский государственный аграрный университет

kozlova_natalya@list.ru

Методологические и онтологические основания эвристики страха в этике Ганса Йонаса

Тема статьи является **актуальной**, ввиду того что в настоящее время существует особая мода на всевозможные «эвристики» в психологии, экономике, политике, в числе которых эвристика доступности, аффекта, репрезентативности, привязки и приспособления (якорения и подгонки) и т.п. Однако более сорока лет назад известный немецко-американский философ Ганс Йонас (1903-1993) был одним из первых, кто употребил данный термин в своих работах. **Целью** статьи является представление эвристики страха Йонаса не просто как методологии научного поиска, а особого принципа, дополненного конкретным чувством и действием. **Задачами** работы являются анализ «механизма» данного принципа как «сравнительной футурологии», доказательство его ценностной и этической составляющей, определение роли эвристики страха в науке и в обыденной нравственной практике. **Научная новизна** исследования заключается в рассмотрении эвристики страха в аспекте жизни самого философа с опорой на малоизвестные его работы.

В труде «Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации» Йонас особое внимание уделяет вопросу о методологических основаниях концепции ответственности за будущее. Философ определяет ответственность как принцип, выводимый из фундаментального положения: будущее должно быть. Соответственно, важным делом современного научного знания, по Йонасу, должны стать оценка современных действий и поиск знания о тех состояниях человека и мира, которые можно экстраполировать в будущее. Такое вероятностное знание и «действительное» знание помещаются Йонасом между идеальным знанием о принципах (этика) и практическим знанием (политика), последнее может оперировать с гипотетическими суждениями об ожидаемом, то есть о том, чего нужно избегать [10, S. 62], или, напротив, чему нужно способствовать. Основным методологическим принципом науки «гипотетического предсказания» или, как ее называет Йонас, «сравнительной футурологии» становится «эвристика страха» (die Heuristik der Furcht).

Философ полагает, что в основе формирования данного принципа лежат те же «механизмы», что и при возникновении большинства известных норм и заповедей. Человечество не пришло бы к признанию священного статуса жизни, если бы не было убийства; правда не имела бы такого нравственного значения, если бы не было лжи и т.д. Так же и в случае «искомой» человечеством этики ответственности нового типа, по мнению Йонаса, еще не воплощенной в реальности, предполагаемое искажение (деформация) человеческого образа приводит к идее неизбежности его сохранения. Это специфический вид угрозы, и она необходима как с методологической, так и с онтологической точек зрения. Так схематично можно обозначить суть принципа эвристики страха.

Зло более однозначно и гносеологически «легче» в постижении, чем добро, остающееся часто «непознанным», присутствуя незаметно. Оно становится очевидным не напрямую, а через зло, как ценность здоровья утверждается через болезнь. Этика поэтому неизбежно должна «консультироваться» с нашими страхами до наших желаний, заключает Йонас [Ibidem, S. 64]. Эвристика страха может дать много там, где не так много знания и слов.

Представление о зле, которое ожидает в будущем, может быть сформировано только на основе представлений о настоящем зле. И этика должна стать знанием об отдаленных последствиях. Такова ее первая обязанность, из которой вытекает вторая – мобилизовать чувство, соразмерное представлениям о последствиях. Однако этому мешает тот факт, что представляемое зло в данном случае не является только моим, угрожает не только мне, поэтому страх не возникает автоматически, поскольку он не является предметным (подобно тому, что страх насильственной смерти порождает неизбежную реакцию в виде инстинкта самосохранения). Будущее человечество и планета не могут сами по себе вызывать страх за них. Именно поэтому речь идет о новой этике, ввиду того что страх, о котором говорит Йонас, особый, «духовный», когда страдания будущих поколений принимаются близко к сердцу настоящим человеком.

Та самая вторая обязанность этики, можно сказать, сводится к воспитательной функции морали – чувство страха, а затем и ответственности нужно вырабатывать в себе «принудительно». Очевидно, что Йонас немаловажное значение придает чувственной компоненте в новой этике. Он критикует проект, основанный на принципе надежды (Э. Блох), как утопический. Несмотря на то, что страх и надежда в отношении будущего в равной степени соотносятся с ответственностью, и первый менее «выгоден» в нравственном и психологическом отношении, сегодня именно страх является решающим чувством. Надежда – прямой путь к самоуверенности, и хотя страх чаще всего приводит к неуверенности, он тем не менее позволяет действовать, ориентируясь на предполагаемый результат, и в случае фиаско надежды может выступить условием ответственного действия. Йонас полагает, что надежда должна дополнять страх, становясь скромной надеждой на достойное продолжение человеческого рода, поскольку сама по себе, без чувства страха, способна стать лишь экзальтированной надеждой на земной рай.

Таким образом, в концепции ответственности Йонаса страх становится ценностно-образующим принципом, в отличие от многих традиционных этических систем, которые считали страх аффектом, мешающим разуму. Более того, страх наделяется эвристической функцией.

В целом в данном случае мы наблюдаем характерное для экзистенциализма различие безотчетного (нем. Angst) страха перед Ничто, неопределенностью бытия и страха, вызванного конкретным предметом (нем. Furcht), к которому относится и страх перед грядущими катастрофами.

Некоторые современные исследователи отмечают, что Йонас подхватывает библейский мотив «страха и трепета», воплощая его в вариант нового знания [12]. В Библии речь идет о страхе как о «начале мудрости» (Притч. 1:7, 9:10) и «источнике жизни» (Притч. 14:27), страх обладает ценностью, если предохраняет человека. Страх Господень – это благоговейное отношение к Богу, чувство несоизмеримости божественного и человеческого, а не ужас, парализующий сознание. У Йонаса речь идет о страхе перед «искажением» человеческого образа, то есть очевидно влияние иудео-христианских идей. Однако этика ответственности не имеет исключительно религиозной основы.

Эвристическая функция страха выводится из осознания ценности бытия перед лицом гибели, смерти, которая выступает в качестве конкретной, а не метафизической перспективы, поскольку ее можно предотвратить. Йонас, как отмечает А. Н. Ермоленко, выводит новый тип страха – это, с одной стороны, экзистенциальный страх перед Ничто и, с другой стороны, конкретный страх, относящийся к миру (страх перед ядерной катастрофой) [2, с. 144]. Страх как боязнь за судьбу Другого, пусть даже в лице неродившегося человечества, делает возможным образование смыслового поля, «в котором страх перед той же ядерной катастрофой может быть наполнен этическим смыслом» [1, с. 168].

Итак, какова конкретная роль страха в современном научном знании? Знаний в отношении будущего человечества явно недостаточно для отдаленного прогноза и этических решений в условиях техногенной цивилизации. «Технологическое предприятие», по Йонасу, всегда функционирует в условиях достоверности ближайшего прогноза, у него нет возможности действовать «наощупь», так как нет времени на исправление ошибок. И если для конкретной сферы человеческой деятельности предвидение может стать «достигнутым» знанием только «задним числом», то для этики как учения о принципах вполне достаточно знания возможностей. Йонас доказывает значимость воображаемой казуистики (своего рода “science fiction”), имеющей действие с раскрытием еще неизвестных принципов, в отличие от казуистики в морали и праве. Научная фантастика может вполне успешно выполнять эвристическую функцию, по мнению философа. На момент выхода в свет «Принципа ответственности» (1979) именно *science fiction* открывала перспективы «раздвижения научного знания и человеческих возможностей покорения природы» [13, с. 3].

Принцип эвристики страха можно свести к утверждению преимущества плохого прогноза перед хорошим, то есть решения необходимо принимать исходя из страха перед будущим. Так, ученый становится заложником «фатализма»: нужно отказаться от эксперимента, если его последствия нельзя предсказать или они могут быть потенциально опасны для будущего человечества.

Напрашивается сравнение метода Йонаса с принципом фальсификации Поппера: как лишь те теории могут считаться научными, которые в принципе могут быть опровергнуты, так и все последствия современной деятельности человека должны рассматриваться как представляющие угрозу бытию человека. На подобные

аналогии обращает внимание П. А. Гаджикурбанова [1, с. 167]. С другой стороны, эвристика страха – своего рода перевернутый принцип сомнения Декарта, так как приходится иметь дело с сомнительным, но пока еще только возможным (а не с тем, ложность чего доказана).

Эвристика страха – это принцип максимальной предусмотрительности в тех условиях, когда даже незначительные процессы, запускаемые для решения конкретных целей, могут выйти за пределы желания и планов человека ввиду кумулятивного характера всей современной человеческой деятельности. Как же тогда быть с методологическим аппаратом новой этики, ведь даже эвристика страха может стать бессмысленной, если новой «эволюции» присущи законы, делающие невозможным контроль над ней? Мы знаем, что страшное наступит, но момент его наступления не известен, таким образом, образуется пропасть между состоянием – чувством страха и конкретным временем его причины. С другой стороны, понятие непредсказуемости последствий становится условным, поскольку последствия предсказуемы как отрицательные. По мнению Йонаса, новая этика позволяет предотвратить наступление негативных последствий, ее язык более оптимистичен, чем, например, язык СМИ, в котором мотив будущей катастрофы служит чаще всего для запугивания.

Принцип эвристики страха имеет практическое применение в обыденной нравственной практике: чтобы сохранить образ и подобие в будущем, необходимо не потерять его в настоящем, иначе наше деградировавшее достоинство наследуют наши потомки. По Йонасу, именно страх изначально присутствует в любом вопросе, порождающем ответственность: «что будет с ним, если я не буду о нем заботиться?». На эти вопросы ответ, как правило, очевиден, и чем он яснее, тем сильнее должна быть ответственность человека – в этом состоит «пытливый характер» эвристики страха.

Полагаем, что методологическое значение йонасовского принципа усилится, если сместить акцент со страха на эвристику. В качестве примера можно привести такие эмпирические методы научного исследования, как экстраполяция и прогнозирование.

Нужно отметить, что рассматриваемый нами принцип (называемый Йонасом, как было указано выше, «сравнительной футурологией») часто приводится в качестве примера при построении различных моделей и сценариев развития человечества. Например, П. Д. Тищенко, сравнивая концепции «общества риска» У. Бека и идеи Г. Йонаса, уточняет, что при наглядной правоте последних необходимы существенные их корректировки. Так, Йонас полагал, что «страх как негативное основание общности в перспективе позволит сформировать некое позитивное универсальное понимание природы рисков, ценностей и целей цивилизационного развития» [7, с. 47]. А между тем негативность страха сохраняется в качестве основания общества риска сегодня. «Моральный разум фатально не универсален, универсален страх, переживание общей опасности». Страх является негативным этическим основанием совместной ответственной деятельности в современную эпоху [8, с. 194].

По У. Беку, риск приобретает не свойственные ему социальные качества; равно как и страх, который к концу XX в. становится мощным политическим инструментом различных партий и групп: от зеленых до религиозных сект. Если ранее риск связывался с недостаточностью развития науки и технологий, то сейчас, напротив, он является результатом избыточности прогресса и одновременно невозможности прогнозирования его последствий. Собственно, об этом и ведет речь Йонас, говорящий об эвристике страха. П. Д. Тищенко взамен предлагает эвристику вызова. Вызов – это первое, но не последнее условие ответственности. Проблема если и не решается радикально, но общество становится ответственным. Риск не может сводиться только к страху и не только страх вызывает ответственность, к тому же он связывает людей лишь в «голом» экзистенциальном переживании, а при осмыслении и прочувствовании единство исчезает. Эвристика «ищет эффективного ответа» [Там же].

Как справедливо отмечает А. В. Платонова, «эвристика страха – неоднозначно и противоречиво оцениваемый концепт» [5, с. 79]. В рамках данного принципа нет места феномену «непредвиденных последствий человеческого действия», более того, их число увеличивается [6, с. 76].

Исследователи полагают, что «в начале 60-х гг. XX в. Ханс Йонас лишь теоретически указывал на то, что эвристика страха может стать негативным основанием нового типа солидарности и ответственности в обществе» [4, с. 40], тогда как концу XX – началу XXI в. растет убежденность, основанная на осознанном страхе того, что жизнь на Земле находится под угрозой уничтожения. Однако позволим себе отметить, что принцип эвристики страха разрабатывается Йонасом не только в ранних работах, посвященных этике ответственности, и не сводится лишь к теоретическим рассуждениям.

В речи «Техника, свобода и долг», прочитанной философом по случаю вручения ему Премии Мира немецких книготорговцев 11 октября 1987 г. [11], непрекращающиеся дебаты по поводу ядерной и экологической угрозы, биологии и генной инженерии называются общественным хором с нарастающей мощью, где голос автора «Принципа ответственности» – лишь один из многих. Эйфория фаустовской мечты сменяется холодным дневным светом страха. Йонас подчеркивает, что он не может быть светом фатализма и не является поводом забыть дела нашей свободы.

Философ, проживший и переживший практически весь XX-й век (1903-1993), полагал, что страх должны вызывать не только грядущие глобальные катастрофы, а каждая из существующих ныне «частичных» проблем (загрязнение атмосферы, неконтролируемое уничтожение видов, глобальное потепление) носит, в принципе, апокалиптический характер. И тревожными звонками являются не только явные трагедии, подобные Чернобылю, но и любая экологическая или политическая проблема, имеющая негативные перспективы в будущем. Об этом шла речь в многочисленных интервью с Г. Йонасом, в том числе в беседе «Принцип ответственности» – речь в защиту планетарного будущего» [9, S. 97-109], опубликованной в сборнике,

вышедшем уже после его смерти: “Herausforderung Zukunftverantwortung” [Ibidem]. Там же говорится и об эвристике страха, в частности, в дискуссии «Принцип ответственности как главное требование в науке, экономике и политике» [Ibidem, S. 62-89] (одна из последних, в которых принимал участие сам Йонас). Например, подчеркивается, что социальные институты заменяют гласность страхом или робостью, тем самым не могут способствовать возрастанию ответственности (д-р Г. Шван). В науке же следование принципу эвристики страха выглядит фаталистичным, но следует пересмотреть учебный процесс в университетах, введя нечто вроде клятвы Гиппократов для будущего ученого-естествоиспытателя для воспитания чувства ответственности (проф. Ф. Хухо). Во всех научных дискуссиях должны иметься в виду будущие поколения, адвокатами которых мы являемся уже сейчас, подчеркивает Йонас. Кажется, что «философу легко», поскольку он может представить любую картину будущего, его опасностей и рисков. Однако мы видим разрушающее влияние нашей цивилизации на окружающую среду уже сегодня. Неслучайно понятие «общество риска» вводится в научный оборот У. Беком после Чернобыльской катастрофы.

«Ранний» Йонас пишет о сознательном вызывании в себе самоотверженного страха [3, с. 364]. Это обоснованный страх, а не робость, испуг, но не напуганность. Это не страх и испуг ради самих себя. Йонас в дискуссиях периода 1986-1993 гг. верит, что надежда коренится в том, что люди с разными интересами и знаниями смогут говорить адекватно о подобных вещах, и юное поколение благодаря нравственному воспитанию «обретет» скорее не страх, а тревогу о будущем.

Выводы. Ганс Йонас более сорока лет назад предложил изменить роль страха в этике, наделив его эвристической функцией. Саму же эвристику он рассматривает не только как методологию научного поиска, но и дополняет ее необходимостью выработки конкретного чувства (ответственности) и действия (изменения своей деятельности в соотношении ее с будущим человечества). Новая эвристика страха как разновидность «сравнительной футурологии» должна стать руководством не только в профессиональной научной сфере, но и в обыденной нравственной практике. Актуальность идей Йонаса подчеркивают его поздние работы и труды его учеников и последователей, на которые мы впервые обратили внимание читателя в данной статье.

Список источников

1. **Гаджикурбанова П. А.** Страх и ответственность: этика технологической цивилизации Ганса Йонаса // *Этическая мысль*. 2003. № 4. С. 161-178.
2. **Ермоленко А. Н.** *Этика ответственности и социальное бытие человека*. К.: Наукова думка, 1994. 200 с.
3. **Йонас Г.** *Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации* / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2004. 480 с.
4. **Мишаткина Т., Тищенко П.** Биобезопасность в обществе глобального экологического риска: этический аспект // *Сахаровские чтения 2019 года: экологические проблемы XXI века: материалы 19-й Междунар. науч. конф.* (г. Минск, Республика Беларусь, 23-24 мая 2019 г.): в 3-х ч. / МГЭИ им. А. Д. Сахарова БГУ; редкол.: А. Н. Батян и др.; под ред. С. А. Маскевича, С. С. Позняка. Мн.: ИВЦ Минфина, 2019. Ч. 1. С. 39-42.
5. **Платонова А. В.** Субъекты морального сознания в современном обществе: о типах коллективной ответственности // *Вестник Томского государственного университета*. 2013. № 373. С. 75-79.
6. **Платонова А. В.** Эвристическая функция страха в онтологической концепции ответственности Ганса Йонаса // *Теоретические и прикладные аспекты современной науки*. 2015. № 9-4. С. 73-77.
7. **Тищенко П. Д.** Биоэтика, общество риска и эвристика вызова // *Философские науки*. 2010. № 12. С. 42-49.
8. **Тищенко П. Д.** Йонас // *Новая философская энциклопедия: в 4-х т.* М.: Мысль, 2010. Т. 2.
9. **Herausforderung Zukunftverantwortung. Hans Jonas zu Ehren** / hrsg. von D. Boehler, R. Neuberth. Muenster – Hamburg: Lit, 1992. 130 S.
10. **Jonas H.** *Das Prinzip Verantwortung. Versuch einer Ethik fuer die technologische Zivilisation*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1984. 432 S.
11. **Jonas H.** *Technik, Freiheit und Pflicht* // Jonas H. *Wissenschaft als personales Erlebnis*. Goettingen: Vandenhoeck u. Ruprecht, 1987. S. 32-46.
12. **Orientierung und Verantwortung. Begegnungen und Auseinandersetzungen mit Hans Jonas** / hrsg. von D. Boehler, J. P. Brune. Wuerzburg: Königshausen & Neuman, 2004. 538 S.
13. **Science Fiction. English and American Short Stories**. М.: Прорпеец, 1979. 348 с.

Methodological and Ontological Foundations of Fear Heuristics in H. Jonas's Ethics

Pugacheva Natal'ya Petrovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Penza State Agrarian University
kozlova_natalya@list.ru

The article examines the principle of fear heuristics suggested more than forty years ago by the modern thinker Hans Jonas as a methodology of scientific search and an ethical guideline in the human's everyday ethical practice: preserving human identity requires efforts. In Jonas's conception of responsibility, fear becomes a value-forming principle and is endowed with the heuristic function, the foundation of responsibility, contrary to traditional ethical conceptions, which considered fear an affect hampering the mind. Contrary to previous studies, Jonas's conception is examined not only on the basis of the well-known work “The Principle of Responsibility” but taking into account his biographical facts and little known studies.

Key words and phrases: Hans Jonas; fear; fear heuristics; ethics of responsibility; comparative futurology; global disasters; future; forecast.